

Годъ Тридцать девятый. **ЛИТОВСКИЕ** 12 Августа 1901 года. ВОСКРЕСЕНЬЕ.

Епархіяльныя

№ 32.

Вѣдомости.

Подписная цѣна съ пересылкою 5 рублей.

Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣд. за прошедшіе годы по 5 коп., а за 1897, 1898, 1899 г. и 1900 г. по 10 к. (марками).

Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіяльныхъ Вѣдомостей.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:

за одинъ разъ 10 коп.

” два раза 15 ”

” три раза 20 ”

СОДЕРЖАНІЕ № 32.

Мѣстныя распоряженія. Назначенія. Перемѣщенія. По вопросу о смѣшанныхъ бракахъ. **Мѣстныя извѣстія.** Благословеніе Св. Синода съ грамотою. Архіерейскія служенія. Отъ Правленія Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства—къ свѣдѣнію духовенства. Отъ Засвирской второклассной ц.-пр. школы. **Неофициальный отдѣлъ.** Вдовство священника. Новолѣтіе. Объявленіе.

Мѣстныя распоряженія.

— 31 іюля состоящій на вакансіи псаломщика при Свенцянской церкви діаконъ *Меводій Врублевскій* перемѣщенъ, согласно прошенію, на вакантное мѣсто псаломщика при Ковенской Воскресенской церкви.

— Резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 2 августа за № 1260, намѣстникомъ Пожайскаго монастыря назначенъ іеромонахъ Валаамскаго монастыря, Финляндской епархіи, *Ириней*.

— 3 августа назначенъ исправляющимъ должность псаломщика при Залѣской церкви, Дисненскаго уѣзда, окончившій курсъ Виленской псаломщицко-пѣвческой школы, сынъ крестьянина *Левъ Крисюкъ*.

Разъясненіе Литовскаго Епархіяльнаго Начальства по вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, напечатанное къ свѣдѣнію духовенства въ № 30—

31 Епархіяльныхъ Вѣдом. за 1892 г.

На прошеніи крестьянина Гродненской губ., Волковскаго у., Юшковской волости дер. Страшево, Ге-

оргія Иванова Яковчука, о разрѣшеніи брака съ дѣвцею римско-католическаго исповѣданія Теофілею Волосевичъ, такъ какъ священникъ Мостовлянской церкви отказалъ ему въ повѣчаніи лишь потому, что невѣста латинскаго исповѣданія, Преосвященный Анастасій, Епископъ Врестскій, положилъ слѣдующую резолюцію: „Бракъ православныхъ съ иновѣрцами хотя и допускается закономъ, но съ сильнымъ и довольнымъ оберегательствомъ, дабы православное лицо, вступившее въ бракъ съ иновѣрнымъ лицомъ, не ослабѣло въ своей православной вѣрѣ“, (см. полное собраніе постановленій по вѣдомству православнаго исповѣданія т. I стр. 128); при чемъ на основаніи т. X. ч. I стр. 67 и т. XIV, разд. I ст. 81, требуется со стороны брачующихся обязательство, что рожденныя отъ смѣшаннаго брака дѣти будутъ воспитаны въ православной вѣрѣ. Въ виду требуемаго закономъ вышеозначеннаго „оберегательства“ и въ виду того, что какъ отъ иновѣрнаго лица, вступающаго въ бракъ съ православнымъ лицомъ, такъ и отъ сего послѣдняго требуется обязательство—воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ, для чего необходимы для обоихъ супруговъ правильныя и основательныя понятія о сей вѣрѣ,—въ виду сего необходимо тщательно испытывать православнаго жениха—просителя: хорошо ли онъ знаетъ основы православной вѣры и сознаетъ ли онъ, понимаетъ ли превосходство православной вѣры предъ католическою,—знаетъ ли онъ Символь православной вѣры и понимаетъ ли его, а равно и главнѣйшія православныя молитвы и заповѣди Божіи, а невѣсту тщательно испытать—не фанатичка ли она, имѣетъ ли ова здравыя понятія о православной вѣрѣ, знаетъ ли въ чемъ разница существенная между православною и католическою вѣ-

рою, способна ли и не согласна ли она изучить о православной вѣрѣ все то, чему обязана учить дѣтей при воспитаніи ихъ. Если же женихъ окажется слабымъ въ знаніи истинъ православной вѣры и не сознаетъ превосходства оной предъ католическою и если притомъ окажется, что невѣста имѣетъ превратныя понятія о православной вѣрѣ, или не имѣетъ никакого понятія о ней, то объявить просителю и избранной имъ невѣстѣ, католичкѣ, что ихъ нельзя повѣнчать, такъ какъ они оказались неспособными исполнить требуемое закономъ обязательство воспитывать дѣтей въ православной вѣрѣ и подавать имъ добрый примѣръ житія по уставамъ православной церкви. При семъ внушить жениху православному, что разновѣріе супруговъ весьма вредно вліяетъ на семейный бытъ и объявить, чтобы онъ искалъ православленную невѣсту, если эта избранная имъ невѣста католичка не имѣетъ расположенія принять православную вѣру". Вышеуказанная резолюція Его Преосвященства была заслушана въ Консистоіи. Касаясь одной изъ существенныхъ сторонъ закона о смѣшанныхъ бракахъ, указывая на великое и благотворное для Церкви Православной значеніе этого закона, эта резолюція Его Преосвященства ставитъ на видъ, кому вѣдать надлежитъ, мѣры, при которыхъ исполнялась бы усвѣщѣе и благодѣтельнѣе мысль мудраго законодателя. Къ сожалѣнію, эти мѣры пастырями церкви нерѣдко теряются изъ виду частью сознательно, частью же безсознательно, а отсюда происходятъ какъ неблагоприятныя сужденія о смѣшанныхъ бракахъ, такъ и частые факты вреда отъ такихъ браковъ—въ видѣ совращеній въ иновѣріе и въ видѣ индиферентизма въ дѣлахъ вѣры и обряда или одного изъ состоящихъ въ бракѣ лицъ, или цѣлаго семейства. Въ виду ближайшаго ознакомленія духовенства Литовской епархіи съ оберегательнымъ духомъ законовъ, допускающихъ вступленіе въ бракъ лицъ православнаго исповѣданія съ иновѣрцами, и въ виду поддержанія здѣсь православія, находящагося въ средѣ латинства не чуждаго фанатизма, постоянно вліяющаго на совращеніе изъ православія въ католицизмъ, Литовская духовная Консистоіа протокольнымъ опредѣленіемъ, утвержденнымъ Его Высокопреосвященствомъ 12 декабря 1891 г., заключила: напечатать резолюцію Его Преосвященства въ Епарх. Вѣдом. для руководства и указанія необходимости благоразумной дѣятельности духовенства при такъ частыхъ у насъ случаяхъ смѣшанныхъ браковъ, имѣющихъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ распространенія православной церкви въ средѣ иноверцевъ и русской народности въ средѣ иноплеменниковъ.

Мѣстныя извѣстія.

— 10 іюня преподано благословеніе Святѣйшаго Синода. съ выдачею грамоты, д. ст. сов. Владимиру Ефимовичу Шопену, во вниманіе къ отлично-усерднымъ трудамъ его въ дѣлѣ построенія Гегобростекской, нынѣ Никольской, церкви, Поневѣжскаго уѣзда.

— **Архіерейскія служенія.** 1-го августа, въ праздникъ Происхожденія честныхъ древъ Креста Господня, Высокопреосвящ. Ювеналій, Архіеп. Литов. и Вилен., совершилъ въ кафедральномъ соборѣ божественную литургію въ сослуженіи соборнаго духовенства, и послѣ оной—крестный ходъ на р. Вилію для освященія воды на обычномъ мѣстѣ—въ соучастіи всего духовенства г. Вильны. По Большой, Замковой и Набережной улицамъ были разставлены шпалерами войска съ оружіемъ и при хорахъ военной музыки. Торжественно, при колокольномъ звонѣ, вышелъ крестный ходъ изъ кафедральнаго собора въ преднесеніи св. креста, иконъ, хоругвей, далѣе слѣдовало многочисленное духовенство и въ заключеніе шествовалъ Высокопреосвященный Ювеналій, сопровождаемый всѣми представителями военными и гражданскими. Во время прохожденія крестнаго хода военные хоры исполнили гимнъ „Коль славень“... По прибытіи крестнаго хода на рѣку, Высокопреосвященный Ювеналій совершилъ чинъ освященія воды. При погруженіи св. креста въ воду, пѣвчіе запѣли: „Спаси Господи люди Твоя“, а расположенная на набережной артиллерія сдѣлала 31 пушечный выстрѣлъ. Крестный ходъ при пѣніи свящ. пѣсней отправился обратно въ соборъ; по пути войска были окропляемы св. водой. Въ заключеніе командиръ корпуса генераль-отъ-инфантеріи Чайковскій произвелъ парадъ войскамъ. Благопріятная теплая погода собрала массу народа.

— **Отъ Правленія Виленскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства.** На основаніи утвержденнаго Архипастырскою резолюціею Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Ювеналія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, журнальнаго постановленія училищнаго Правленія, отъ 31-го іюля сего года, Правленіе извѣщаетъ родителей и опекуновъ какъ вновь поступающихъ въ училище дѣвицъ, такъ и обучающихся здѣсь воспитанницъ, что, по случаю запозданія ремонта училищной церкви, примѣныя испытанія для вновь поступающихъ дѣвицъ, а также повѣрочныя испытанія воспитанницъ, коимъ назначены переэкзаменовки, перенесены съ 31-го августа на 17 и 18 сентября текущаго года. Остальныя же воспитанницы старшаго и средняго классовъ **непремѣнно** должны явиться въ училище къ 19-му сентября.

Независимо отъ сего, Правленіе училища сообщаетъ о томъ, что, согласно отношенію Господина

Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, отъ 5-го іюля сего года за № 5060-мъ, Государыней Императрицей Маріей Ѳеодоровной повелѣно передать начальницѣ училища М. И. Макаревичъ и окончившимъ въ текущемъ году курсъ ученія воспитанницамъ благодарность Ея Императорскаго Величества за поднесеніе изготовленныхъ упомянутыми воспитанницами воздуховъ и пелены на престоль.

Объявленіе. Совѣтъ Засвирской второклассной церковно-приходской школы покорнѣе просить приходскихъ священниковъ объявить желающимъ поступить въ школу, что пріемныя испытанія учениковъ будутъ производиться 11 сентября. Въ школу принимаются лица православнаго вѣроисповѣданія, успѣшно выдержавшіе испытаніе въ знаніи курса одноклассныхъ ц.-приходскихъ школъ. При поступленіи требуется представить метрическое свидѣтельство и свидѣтельство объ окончаніи курса начальной школы. Всѣ ученики пользуются казеннымъ помѣщеніемъ, отопленіемъ и освѣщеніемъ, а на свое пропитаніе должны вносить извѣстное количество съѣстныхъ продуктовъ или деньгами 18 руб.

Почт. ст. Свирь, Свѣнцианскаго уѣзда. Ближайшія ст. жел. дороги: Лынтуны въ 25 верстахъ отъ села Засвира и Сморгонь въ 46 верстахъ.

А) ВАКАНТНЫ МѢСТА СВЯЩЕННИКОВЪ —

Вилейскаго — м. Ильи (4).

— с. Бѣседахъ (5).

Б) ВАКАНТНЫ МѢСТА ПСАЛОМЩИКОВЪ —

Поневѣжскаго — с. Никольскомъ (5).

— Свенцянскаго — г. Свенцянахъ (1).

Неоффиціальныи отдѣлъ.

Вдовство священника *).

Православная Церковь, на основаніи заповѣди св. Апостола Павла (1 Тим. 3, 2), а также постановленій соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, разрѣшаетъ священникамъ брачную жизнь, хотя и не составляетъ ее въ непремѣнную для нихъ обязанность. Поэтому у насъ дозволяется рукополагать въ санъ священника и діакона и неженатыхъ, равно, какъ и вдовыхъ послѣ перваго брака, по достиженіи ими сорокалѣтняго возраста, если только они извѣстны епархіальному начальству безукоризненною жизнью (См. законоп. 16 апр. 1869 г.). Но на практикѣ весьма рѣдко бывають случаи рукоположенія во священники

лицъ неженатыхъ, такъ что у насъ, на Руси, семейная жизнь священниковъ есть явленіе обычное.

Не такъ обстоитъ дѣло въ церкви Западной. Тамъ со времени папы Григорія VII (1076 г.) сдѣлано обязательнымъ безбрачіе духовенства въ тѣхъ видахъ, что безбрачный и безсемейный священникъ больше можетъ оказать пользы Церкви, чѣмъ семейный. Впрочемъ, было время, когда и на Востокахъ многіе склонялись къ той мысли, чтобы запретить кандидатамъ священства вступать въ бракъ. Мысль эта нашла себѣ сторонниковъ и среди отцовъ перваго вселенскаго собора. Но противъ нея возстали люди святой жизни и высокаго аскетическаго настроенія, проведшіе жизнь въ побѣдоносной борьбѣ съ разными искушеніями, и св. отцы собора послѣ совѣщанія признали обязательное безбрачіе для духовенства итогомъ неудобноноснымъ, которое могутъ возложить на себя только тѣ, „имже дано есть“.

И дѣйствительно, обязательное безбрачіе священниковъ было бы для нихъ, по крайней мѣрѣ для многихъ изъ нихъ, итогомъ неудобноносимымъ. Не говоря уже о побужденіяхъ низшаго порядка, борьба съ которыми была бы многимъ не подъ силу, здѣсь же въ семьѣ, священникъ находитъ весьма много такого, что даетъ ему силу и крѣпость для прохожденія его служенія, находитъ (по крайней мѣрѣ можетъ иногда находить) нравственное успокоеніе отъ бурь житейскихъ, поддержку на трудномъ пути жизни, одобреніе и утѣшеніе въ неудачахъ и невзгодахъ, которыми такъ богата жизнь всѣхъ и каждого, не исключая и священника. Особенное значеніе пріобрѣтаетъ для священника семья и потому еще, что многимъ изъ нихъ приходится жить въ глухихъ и отдаленныхъ отъ центровъ умственной жизни углахъ. Окруженный людьми въ массѣ темными, необразованными, священникъ внѣ семьи не имѣетъ съ кѣмъ, какъ говорится, и слова перемолвить, душу отвести въ бесѣдѣ, мыслями подѣлиться, не имѣетъ кому повѣдать свое горе, свои печали... Правда, пастырямъ не запрещается посѣщать своихъ сослуживцевъ, другихъ іереевъ, но кто знакомъ съ жизнью сельскаго духовенства и условіями ея, тотъ знаетъ, что это по весьма многимъ причинамъ бываетъ и неудобно и не всегда возможно. Въ виду всего этого Православная Церковь и разрѣшаетъ священникамъ брачную жизнь.

Но если у насъ почти всѣ священники предвѣрительно рукоположенія вступаютъ въ бракъ, то далеко не всѣ они остаются въ брачномъ сожитіи до конца своей жизни: многихъ и даже весьма многихъ изъ нихъ постигаетъ вдовство. Тяжелый это крестъ для священника, особенно молодаго. Еще тяжелѣе онъ для того, кто остался вдовцомъ бездѣтнымъ. Правда, вдовцу, оставшемуся съ малыми дѣтьми на рукахъ,

*) „Под. Епарх. Вѣд.“ 1898 г.

приходится переживать много хлопотъ и невзгодъ, но все же эти хлопоты, причиняя ему много огорченій, доставляютъ не мало радостей, заставляя забывать понесенную утрату. Ничего подобнаго не имѣетъ вдовецъ бездѣтный, и для нѣкоторыхъ изъ нихъ перспектива вдовства представляется въ такомъ мрачномъ свѣтѣ, что они не усматриваютъ уже никакой цѣли въ своей жизни...

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, должно смотрѣть на постигающее священника вдовство? Можетъ ли онъ по справедливости сказать: „цѣли нѣтъ передо мною“?

Семейная жизнь пастырей, не смотря на то, что она представляетъ много хорошаго для нихъ, не есть, однако, *conditio sine qua non* пастырства. Дозволеніе священникамъ вступать въ бракъ есть только снисхожденіе Церкви къ немощамъ человѣческимъ, которыхъ не чужды и пастыри, но отнюдь не требуется самымъ духомъ пастырства. Напротивъ, этотъ духъ требуетъ, чтобы избравшій своимъ жребіемъ пастырское служеніе всецѣло посвятилъ себя ему, всецѣло отдался ему, не развлекаясь заботами ни о чемъ другомъ, кромѣ того, что входитъ въ кругъ его дѣятельности, какъ пастыря. Смотря на пастырское служеніе съ такой точки зрѣнія, нельзя не сказать, что семейная жизнь священника не мало отвлекаетъ его отъ прямыхъ и непосредственныхъ его обязанностей. Нерѣдко сами священники, когда дѣло касается нѣкоторыхъ сторонъ ихъ жизни, ссылаются на то, что они люди семейные, женатые, что заботы о семьѣ заставляютъ ихъ, даже противъ ихъ воли, принимать на себя такія обязательства, допускать такія дѣянія, какихъ они, не обремененные заботами о семьѣ, не допустили бы. Такія и имъ подобныя разсужденія вполнѣ подтверждаютъ ту мысль, что семейная жизнь пастырей служитъ не малымъ препятствіемъ для надлежащаго выполненія пастырскихъ обязанностей во всей ихъ идеальной широтѣ. Эта же мысль выражается и въ словахъ Апостола Павла, который говоритъ: „еда не имамы власти сестру жену водити?“ (1 Кор. 9, 5). Эту власть, это право св. Апостолъ Павелъ, конечно имѣлъ, какъ имѣли его „прочіи Апостолы и братія Господни, и Києа“, но дабы ничто не обладало имъ, дабы ничто не могло отвлекать его отъ великаго дѣла благовѣстія Христова, онъ отказывается добровольно отъ этого права, давая тѣмъ понятъ преемникамъ своего служенія, пастырямъ Церкви, что онъ считаетъ безбрачіе болѣе удобнымъ для служителей Церкви, ибо, по его же словамъ, „оженившійся печется о мірскихъ, како угодити женѣ, а неженевшійся печется о Господнихъ, како угодити Господеву“.

Всѣ эти неудобства имѣли въ виду и нѣкоторые отцы перваго вселенскаго собора, когда предпологали запретить пастырямъ Православной Церкви

вступать въ бракъ. Они именно хотѣли поставить священниковъ въ такія условія жизни, при которыхъ ничто не обладало бы ими, ничто не отвлекало бы ихъ отъ великаго дѣла пастырскаго служенія.

Отсюда становится понятнымъ, что брачная жизнь священниковъ, хотя и допускается Церковью, но допускается вовсе не въ интересахъ пастырства, потому что человѣкъ семейный не можетъ отдаться этимъ интересамъ всецѣло. Онъ необходимо долженъ раздвоить свое вниманіе между семьей и паствой и служить иногда не только Богу, но и мамонѣ. Понятно, что интересы паствы въ такихъ случаяхъ страдаютъ; страдаетъ и самъ пастырь, такъ какъ онъ силою обстоятельствъ побуждается творить не то доброе, которое обязанъ и къ которому стремится, но то злое, которое ненавидитъ и котораго желалъ бы избѣгать. И все это въ большинствѣ случаевъ изъ-за семьи, изъ-за удовлетворенія ея насущныхъ потребностей.

Но вотъ пастырь овдовѣлъ. Обычно смотрятъ на это, какъ на кару Божию, какъ на проявленіе гнѣва Божія. Но въ данной случаѣ возможна и другая точка зрѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, если семейныя заботы и хлопоты препятствуютъ до нѣкоторой степени пастырю исполнять его обязанности, лишають его возможности всего себя посвятить дѣлу Божию, то нельзя ли смотрѣть на вдовство священника, какъ на знакъ того, что Господь призываетъ овдовѣвшаго и особенно бездѣтнаго пастыря къ особымъ подвигамъ пастырскаго служенія, нельзя ли видѣть въ этомъ персть Божій, указывающій вдовцу, что паства должна замѣнить ему семью, должна быть предметомъ его исключительныхъ заботъ и попеченій?

Если разсматривать постигающее пастырей вдовство съ такой именно точки зрѣнія, то само собою понятно, что вдовецъ-священникъ не можетъ и не долженъ говорить: „цѣли нѣтъ передо мною“. Напротивъ онъ долженъ усматривать въ этомъ призваніе къ высшимъ и совершеннѣйшимъ подвигамъ пастырскаго служенія. Правда, тяжело переносить утрату близкихъ людей, еще тяжелѣе переносить утрату тѣхъ, кого мы любимъ, но пастырь-вдовецъ долженъ помнить, что Господь испытываетъ иногда избранниковъ своихъ именно путемъ временныхъ бѣдствій, посылаемыхъ на нихъ. Этими бѣдствіями Онъ воспитываетъ ихъ къ предназначеннымъ имъ высшимъ подвигамъ. Такъ именно и смотрятъ на постигающее ихъ вдовство благочестивые пастыри, принимающіе пастырство „не ради хлѣба куска, а именно ради Иисуса“. Имъ никогда на мысль и не приходитъ, что разъ они овдовѣли, то не для чего имъ и священствовать, а слѣдуетъ отказаться отъ клятвы, данной Господу, и сложить съ себя священный санъ.

Но говорить, слишкомъ тягостно одиночество

для священника. Еще когда ему приходится совершать требы, „быть на людяхъ“, тогда это одиночество забывается; но требы бываютъ рѣдко, занятій особыхъ нѣтъ, и, поэтому, одиночество даетъ себя чувствовать съ особою силой.

Совершенно справедливо, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ никакого занятія, одиночество очень тяжело для человѣка. Но въ томъ-то и дѣло, что обязанности пастыря настолько велики, настолько многосложны, что еслибы ихъ исполнять, какъ должно, тогда на отсутствіе работы пожаловаться нельзя. Пастырю-вдовцу и слѣдуетъ отдаться всей душой исполненію этихъ обязанностей, и въ исполненіи ихъ онъ найдетъ для себя и утѣшеніе: время не будетъ тянуться для него бесконечно долго, одиночество забудется, а сознание исполненнаго долга укрѣпитъ его на дальнѣйшіе подвиги для блага паствы.

А сколько, въ самомъ дѣлѣ, хорошаго можетъ сдѣлать священникъ для своей церкви, для своего прихода, если безраздѣльно, — такъ, какъ это возможно только для вдовца-священника, — посвятить себя имъ. Школу онъ приведетъ въ образцовое состояніе, наученіе паствы будетъ у него возможно совершеннымъ, даже матеріальное благосостояніе церкви онъ можетъ увеличить въ самомъ плохомъ приходѣ. Приведемъ для подтвержденія высказанной нами мысли одинъ извѣстный намъ фактъ.

Не такъ давно одинъ священникъ, молодой еще человѣкъ, овдовѣлъ. Оставшись одинокимъ, онъ рѣшилъ посвятить себя исключительно приходу и своей церкви, посвятить себя служенію Богу и ближнему. Приходъ, занимаемый имъ, былъ одинъ изъ плохихъ приходо́въ; овдовѣвшій священникъ рѣшилъ прежде всего совершать ежедневно литургіи въ своемъ убогомъ храмѣ для того, чтобы находить въ молитвѣ успокоеніе и чтобы дать возможность прихожанамъ молиться въ храмѣ, когда они пожелаютъ. Противъ рѣшенія священника возсталъ псаломщикъ. Онъ жаловался, что ежедневная служба отвлекаетъ его отъ занятій хозяйствомъ, приведетъ его къ нищетѣ. И церковный староста поддерживалъ псаломщика, утверждая, что ежедневная служба разорительна для бѣдной церкви. Священникъ, однако, остался при своемъ рѣшеніи: сталъ служить ежедневно. На первыхъ порахъ при богослуженіи въ будніе дни никто почти не присутствовалъ, но вскорѣ прихожане, зная, что служба совершается ежедневно, стали заходить въ храмъ все чаще и чаще. Но этого мало. Слухъ о батюшкѣ, который служитъ каждый день, распространился въ околицѣ, такъ что изъ ближайшихъ селъ стали приходить весьма многіе помолиться съ благочестивымъ батюшкой. Кромѣ того, такъ какъ подлѣ церкви проходила большая дорога, то проѣзжіе, видя церковь открытой, часто останавливались

и заходили въ храмъ помолиться. Наконецъ, крестьяне настолько пріучились посѣщать свой приходскій храмъ, что ежедневно, отправляясь на работу, считали своимъ долгомъ зайти въ свою церковь помолиться здѣсь, а иногда поставить свѣчу предъ образомъ. Нечего и говорить, что частыя посѣщенія богомольцевъ давали большой доходъ не только причту, но и церкви, и она изъ убогой и бѣдной утварью сдѣлалась одной изъ самыхъ богатыхъ въ округѣ. Что же касается священника, то онъ, какъ человѣкъ, безкорыстно преданный своему дѣлу, пользовался среди крестьянъ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ; къ нему обращались за совѣтомъ и утѣшеніемъ даже прихожане другихъ селъ и всегда находили у него добрый совѣтъ, ласковое слово. Постоянныя службы, постоянныя заботы о пасомыхъ, наставленіе и увѣщаніе ихъ, занятія въ школѣ и т. п. — все это наполняло жизнь пастыря-вдовца, не позволяло ему тосковать по утратѣ, понесенной имъ, а сознание, что его труды приносятъ обильные плоды, доставляло ему отраду и утѣшеніе.

Такъ слѣдовало бы поступать и всѣмъ вдовцамъ пастырямъ. Тяжело, конечно, начало, но Господь на доброе дѣло дастъ крѣпость избраннымъ Своимъ.

„НОВОЛѢТІЕ“.

1-е сентября, на которое приходится празднованіе памяти св. Симеона Столпника, съ XV по XVIII вѣкъ считалось у насъ на Руси, по примѣру Александрійской церкви, днемъ „новолѣтія“; съ этого дня начинался новый годъ. 1-го сентября 1699 года, Петръ I, по словамъ автора „Двѣяній“ его, „въ послѣдній разъ торжествовалъ, по древнему обычаю своихъ предковъ, начало новаго лѣта и на большой Ивановской площади, сидя на престолѣ въ царской одеждѣ, принималъ отъ патріарха благословеніе, а отъ народа привѣтствіе, и самъ поздравлялъ его съ новымъ годомъ, который въ 1700 г. онъ уже праздновалъ 1-го января.

Въ до-петровскія же времена цари московскіе и „всѣя Руси“ отправляли сентябрьское „новолѣтіе“ заодно съ народомъ русскимъ, съ великою торжественностью. День св. Симеона, заканчивавшій старое и начинавшій новое лѣто (годъ), а потому и называвшійся днемъ Симеона-Лѣтопроводца, являлся однимъ изъ торжественныхъ дней общенія царя съ народомъ, во множествѣ стекавшимся не только со всей Москвы Бѣлокаменной, но даже изъ всѣхъ ближайшихъ пригородовъ, — „лицезрѣтъ пресвѣтлыя царскія очи“ въ стѣны Кремля златоглаваго. Здѣсь изъ-года-въ-годъ совершалось, по ненарушиму завѣту старины, „лѣтопровожденіе“ или „дѣйство многолѣтнаго здоровья“.

Богомольные царскіе выходы, приближавшіе священную особу царя къ народу и придававшіе особый блескъ церковнымъ „дѣйствамъ“, ознаменовывавшимъ собою главнѣйшіе годовые праздники, поражали иностранцевъ не только своимъ великолѣпіемъ, но и своею самобытностью. Эти „выходы“ были однимъ изъ наиболѣе опредѣленныхъ проявленій той чисто стихійной связи между вѣнценосцемъ и народомъ, которая такъ ярко отразилась въ старинной русской пословицѣ „Народъ—тѣло, царь—голова“.

Государи московскіе выходили къ народу въ особомъ нарядѣ царскомъ, окруженные блестящею свитою изъ стольниковъ, бояръ, окольныхчихъ, ближнихъ людей и стрѣльцовъ, охранявшихъ особу государеву, по выраженію разрядныхъ дворцовыхъ книгъ, „для тѣсноты людской“. Порядокъ этихъ выходовъ видоизмѣнялся согласно съ торжественностью того или другаго праздника, въ который совершалось „царское шествіе“.

„Дѣйство новолѣтія“ начиналось раскатомъ выстрѣла вѣстной пушки въ Кремль. Это происходило ровно въ полночь. Выстрѣломъ возвѣщался жителямъ Бѣлокаменной, а за ними и всей Руси Православной, мигъ наступленія новаго года. Вслѣдъ за выстрѣломъ начиналъ гудѣть большой колоколъ съ колокольной Ивана Великаго. Кремлевскія ворота распахивались, и „всенародное множество“ наполняло Кремль, чтобы встрѣтить новолѣтіе вмѣстѣ съ государемъ. Царь выходилъ изъ своихъ палатъ въ четвертомъ часу дня (десятомъ утра по нашему счету). Въ Успенскомъ соборѣ совершалась въ это время патриаршая утренняя служба. „Государевъ богомолецъ“ выходилъ предшествуемый образами и сонмомъ духовенства въ западныя двери. На дворѣ церковномъ, передъ вратами, совершалось „патриаршее молитвословіе“, вслѣдъ за которымъ царь благовѣнно „подходилъ къ Евангелію, и осѣнялся благословеніемъ патриарха. Затѣмъ сопровождаемое звономъ „во всѣ колокола съ реутомъ“, шествіе слѣдовало на Ивановскую площадь между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами. Здѣсь противъ Краснаго Крыльца, посреди площади, воздвигался обширный помостъ, выстланный богатыми коврами и огороженный расписною рѣшеткою. По описанію И. Забѣлина („Домашн. бытъ русск. царей“) съ восточной стороны этого помоста ставилось три наоя съ иконою св. Симеона-Лѣтопроводца—на одномъ изъ нихъ. Возжигались свѣчи въ серебрянныхъ предъ-налойныхъ подсвѣчникахъ. Ставился особый „столецъ“ для освященія воды. Съ западной стороны устраивалось два „мѣста“; государево, обитое червчатымъ бархатомъ и серебрянною обьярью (парчю), и патриаршее, крытое персидскимъ ковромъ. Государево мѣсто было подобно трону; оно было золочено, расписано красками и имѣло видъ пяти-

главаго храма съ одною большою главою (посрединѣ и четырьмя малыми—по угламъ: на главахъ, сдѣланныхъ изъ прозрачной слюды, рѣли двуглавые золоченные орлы. Подъ колокольный звонъ государь вступалъ на свое „мѣсто“ черезъ отворчатыя слюдяныя двери. Звонъ умолкалъ. Ближайшіе стольники поддерживали подъ руки государя, прикладываясь на ступеняхъ своего мѣста къ иконамъ. Патриархъ, осѣняя царя крестомъ, вопрошалъ его „о его царскомъ здоровьи“. Духовенство размѣшалось въ это время по обѣ стороны мѣста государя и патриарха; свита царская становилась по чину; по правую сторону государя и за его мѣстомъ. Вся площадь, „по предварительной росписи“ заполнялась еще до выхода государева, служилыми людьми въ золотыхъ и другихъ праздничныхъ кафтанахъ. На паперти Архангельскаго собора стояли иноземные послы, пріѣзжіе иностранцы, а также посланцы изъ отдаленныхъ русскихъ областей. Ратный строй стрѣльцовъ, со знаменами, ружьями и „въ цвѣтномъ платьѣ“, завершалъ величественную картину, окаймленную живой рамою несмѣтной народной толпы. Начиналось молебствіе съ водосвященіемъ. Митрополиты, архіепископы, епископы, а за ними и все иное присутствовавшее духовенство, по-двое подходили и били поклоны передъ царемъ и патриархомъ—на особицу. Осѣнивъ государя крестомъ по окончаніи молебнаго пѣнія, патриархъ „здоровствовалъ ему рѣчью“, заканчивающеюся возгласомъ: „Здравствуй, царь государь, нынѣшній годъ и впередъ идущія многія лѣта въ родъ и во вѣки!“ („Дневн. Росс. Вивліоѳика“, X). Государь, въ отвѣтъ на пространную рѣчь патриарха, кратко благодарилъ своего богомольца. Затѣмъ, государя и патриарха по-очереди поздравляли всѣ духовныя власти, бояре и всѣ сановные люди, кланяясь „большимъ обычаемъ“, т. е. почти до земли. Государь отвѣчалъ на поздравленіе духовенства наклоненіемъ головы, а боярамъ—поздравленіемъ. Послѣ этого, государя поздравляли съ новымъ лѣтомъ всѣ стрѣлецкіе полки; а за ними—весь народъ, бывшій въ Кремль, „многочѣстествовавшей“ царю, „ударяя челомъ въ землю“, какъ одинъ человекъ. Отвѣтивъ народу поклономъ, приложившись ко кресту и принявъ патриаршее благословеніе, царь шествовалъ въ Благовѣщенскій соборъ къ поздней обѣднѣ, а оттуда—въ свои палаты царскія. Дѣйство новолѣтія заканчивалось. Изъ казны государевой раздавалась въ этотъ день обильная милостыня нищимъ и убогимъ, чтобы всѣ они „молили о многочѣтнемъ здравіи государя царя“. Новое „лѣто“ вступало въ свои права—при облетавшемъ столицу всенародномъ возгласѣ: „Здравствуй, здоровъ будь, на многія лѣта, надежда государь!“

Въ правовомъ отношеніи первый день новаго

года встарину имѣлъ не малое значеніе для народной жизни. Онъ—вмѣстѣ съ Рождествомъ Христовымъ и Троицынымъ Днем—былъ срокомъ, когда должны были прїѣзжать въ Москву „ставиться на судъ“ предъ государемъ и его боярами“. Кто изъ судившихся не являлся къ „началу индикта“ на срочный судъ, тотъ считался виновнымъ, и его противнику выдавалась „правая грамста“. Мѣстомъ суда на „Семень-день“ назначался Приказъ Большаго Дворца, Государю представлялись на усмотрѣніе тѣ особо важныя дѣла, которыхъ не могли разрѣшить „намѣстники, приказчики городовые и волостели“. Судъ царевъ считался равнымъ Божьему. Въ приговорахъ уличеннымъ въ преступленіяхъ такъ прямо и объявлялось: „Пойманы вы есте Богомъ и Государемъ Великимъ...“ Въ день новолѣтія ставились обвиняемые и на судъ передъ патріархомъ. По уложенію царя Василя Ивановича Шуйскаго (1607 г.) было установлено относительно крестьянъ-перебѣжчиковъ, что, „если не подадутъ челобитья по первое сентября о крестьянахъ, то, послѣ того срока, написать ихъ въ книги за тѣмъ, за кѣмъ они вынѣ живутъ...“. Этотъ же день, по установившемуся съ давнихъ временъ и вшедшему въ силу закона обычаю, являлся срокомъ уплаты оброковъ, даней и пошлинъ. Этимъ днемъ начинались и заканчивались условные договоры между поселянами и торговыми людьми. Съ него сдавались въ арендное пользованіе земли, рыбныя ловли и всякія другія угодья.

Въ стародавніе годы на Семеновъ день соблюдался на Руси обычай „постриги“ и „сажаніе на коня“, о которыхъ сохранились лѣтописныя свидѣтельства съ XII вѣка. Постриги совершались надъ сыномъ-первенцемъ въ каждомъ благочестивомъ русскомъ семействѣ, начиная съ великокняжескаго. Обрядъ постриговъ дѣтей великокняжескихъ происходилъ въ церкви и совершался епископомъ; у бояръ и простолюдиновъ это дѣлалось дома, въ присутствіи родныхъ и совершалось рукою крестнаго отца. Выстриженные на темени младенца волосы передавались матери, зашивавшей ихъ въ ладонку. Кумъ и кума выводили крестника на дворъ, гдѣ отецъ дожидался ихъ съ обѣзженнымъ конемъ, на котораго и сажалъ своего первенца. Кумъ водилъ коня подъ-узды, а отецъ придерживалъ сына рукою. У крыльца отецъ снималъ сына съ коня и передавалъ его куму, въ свою очередь передававшему крестника кумѣ—„изъ полы въ полу“, съ поклонами. Кума вела младенца къ матери его и привѣтствовала послѣднюю „ласковымъ словомъ“. Въ горнищѣ подносились куму и кумѣ подарки, а они отдаривали крестника. За торжественнымъ обѣдомъ кумъ съ кумою разламывали на головѣ крестника пироги, съ пожеланіями „новопостриженному“ всякихъ удачъ въ жизни. Эти обычаи давно

уже исчезли изъ обихода русской народной жизни; дольше всего сохранились они у казаковъ и старообрядцевъ.

Съ первымъ сентябрѣмъ связано, однако, и въ настоящее время у русскаго народа не мало обычаевъ, примѣтъ и повѣрій, ведущихъ свое начало изъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго. Вся недѣля съ 1-го по 8-е число слыветъ на Руси „Семенскою“. Она же зовется и „бабимъ лѣтомъ“,—хотя это послѣднее во многихъ мѣстахъ продолжается, по мѣстному народному календарю, и до половины мѣсяца. Со дня нашего стариннаго „новолѣтія“ начинаются, по народной примѣтѣ, первые холода, готовые перейти если еще не въ морозы, то въ „заморозки“. Еще за нѣсколько дней (а именно 29-го августа) начинаютъ загадывать въ деревнѣ о холодахъ—по отлету птицъ, да по паутинѣ, носящейся въ воздухѣ. „Батюшка сентябрь не любитъ баловать, —говоритъ народное присловье,—въ сентябрѣ держись крѣпче за кафтанъ“. Деревенскій опытъ подсмѣивается надъ паступившимъ „бабимъ лѣтомъ“, приговаривая: „Хвалилися бабы, да бабимъ лѣтомъ на Семень-день, а того бабы и не вѣдали, что на дворѣ сентябрь,—что въ сентябрѣ одна ягода, да и та горькая рябина!“ Но въ тоже самое время этотъ умудренный жизнью опытъ зорко подмѣчаетъ примѣты перваго дня осмѣиваемаго имъ „лѣта“. Этотъ день оказываетъ вліяніе на всю послѣдующую осень: если на него ясно, то и вся осень будетъ ведряная; если луга въ этотъ день опутаны тенетникомъ, если гуси гуляютъ стадами, если скворцы не летятъ,—то и вся осень будетъ сподручною для деревенскихъ работъ, т.-е. ясною. А работъ въ деревнѣ и къ этому времени не мало: надо докашивать овсы, косить гречу, брать ленъ и конопли, и. т. д. Не даромъ молвится пословица, что „Семень день—сѣмена долой“, т.-е. послѣ этого дня сѣмена сами начинаютъ обсыпаться на землю изъ всякаго злака (Русск. простонар. праздники“. И. Снѣгирева). Ждетъ работа и въ огородѣ, и на гумнѣ, и вокругъ двора. Съ Семена-дня бабамъ разныхъ заботъ чуть ли не больше, чѣмъ мужику-домохозяину. Съ этого времени начинаютъ мять и трепать пеньку, мыть „выбранный“ ленъ и разстилать его по лугамъ. Въ этотъ же день, вечеромъ, „затыкаютъ красна (т.-е. начинаютъ тѣать холсты), начинаютъ супрядки“—салятся за прялки и веретена.

Первое сентября—день „запашекъ“ (опахиванія полей),—для огражденія ихъ отъ всякихъ напастей со стороны вѣчно враждующей съ народомъ-нахаремъ темной, нечистой силы. Въ этотъ же день во многихъ мѣстностяхъ принято перебираться въ новые дома и справлять новоселье. Варится брага, пекутся пироги; на пирушку зовутся хозяевами новаго дома тесть съ тещею, сваты, дяди и кумовья.

Гости присылаютъ и приносятъ на новоселье хлѣбъ-соль и подарки—каждый по своему состоянію, кромѣ кума и кумы, которые по обычаю, должны принести полотенце и мыло. Пирушка затягивается до позднего вечера, начинаются проводы гостей. Но еще до всего этого, до прихода послѣднихъ, совершается завѣщанный предками-пращурами обрядъ: перейти на новое жилье не рѣшится ни одинъ крестьянинъ, не пригласивъ на новоселье старого „хозяина“, „дѣдушку-домового“. Въ покидаемой хатѣ топится въ послѣдній разъ печь. Старая баба, остающаяся на прежнемъ пепелищѣ одна выгребаетъ изъ печки вѣс угли въ „печурку“. Въ полдень она поснѣшно собираетъ въ принесенный заранѣ горшокъ вѣс не погасшіе до того времени угли, накрываетъ посудину скатертью и обращаясь къ заднему углу избы, говоритъ: Милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое жилье! Затѣмъ уходитъ на новый дворъ, гдѣ у воротъ, распахнутыхъ настежь, ее ожидаютъ хозяева съ хлѣбомъ-солью. Подойдя къ воротамъ, старуха стучится въ вереву и спрашиваетъ: „Рады ли хозяева гостямъ?“—„Милости просимъ, дѣдушка, къ намъ на новое мѣсто!“ отвѣчаютъ ей, съ поклонами, ожидающіе. Старуха идетъ въ новую, избу въ сопровожденіи несущихъ хлѣбъ — соль — хозяевъ, и ставитъ горшокъ съ углями на столъ; взявъ скатерть трясетъ ею по вѣс угламъ и высыпаетъ вѣс угли въ печурку. Послѣ этого только и возможно, по мнѣнію суевѣрныхъ крестьянъ, вѣс хлѣбъ-соль въ новомъ домѣ. Горшокъ, въ которомъ перенесенъ сюда „домовой“, разбивается и зарывается подъ передній уголокъ дома.

Деревенская молодежь не отстаетъ отъ стариковъ въ суевѣрныхъ обычаяхъ, впрочемъ, почти всегда обращая ихъ въ забавную игру. Такъ, на Семень-день, совпадающій съ древнимъ праздникомъ въ честь Вѣлбога, крестьянскія дѣвушки хоронятъ мухъ и теракановъ“ покровителемъ которыхъ, между прочимъ, считался и названный славянскій богъ. Для этого дѣлаются гробки изъ свеклы, рѣпы или моркови, въ которые и кладутся погребаемыя насѣкомыя, а затѣмъ зарываются въ землю. При этомъ поется не мало пѣсень ничего общаго ни съ „богомъ мухъ“, ни съ какими погребальными не имѣющихъ. Погребальщицы, разряженныя въ свои лучшіе наряды, играютъ пѣсни; а парни, тайкомъ собирающіеся поглядѣть на дѣвичью забаву, высматрываютъ себѣ подходящихъ невѣсть. Послѣ похоронъ, дѣвушки идутъ, вѣсѣтъ съ выбѣгающими къ нимъ изъ своей засады парнями, пить брагу, и вѣсѣтъ за тѣмъ деревня оглашается пѣсней:

„Ай на горѣ мы пиво варили;

Ладо мое, Ладо, пиво варили!

Мы съ этого пива вѣс вокругъ соберемъ,

Ладо мое, Ладо, вѣс вокругъ собиремся!...

и т. д.

Семень-день съ давнихъ поръ чествуется не только работниками, но и охотниками. Въ старину,—говоритъ И. Сахаревъ въ своихъ „Сказаніяхъ,—въ этомъ день выѣзжали болре охотиться за зайцами. Это можно наблюдать и до сихъ поръ на Руси. Существуетъ повѣрье, что „отъ Семенинскаго выѣзда лошади смѣлѣютъ, собаки добрѣютъ и не болятъ, первая затравка наводитъ зимою большія добычи.“

„Бабѣ лѣто“ кончается „луковымъ днемъ“ (Яросл. губ.). Это названіе приурочено къ 8-му (а мѣстами къ 15-му) сентябрю отъ того, что въ этотъ день вырываютъ изъ грядъ послѣдній лукъ и чеснокъ. Въ Рязанской губерніи этотъ день именуется „Аспосовымъ“ (съ 1-го по 8-е сентября продолжается служба Спасу). Тамъ какъ и говорятъ: „Бабѣ лѣто — по Аспосовъ день“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на „Аспосовъ день“ встрѣчаютъ „матушку-осенину“. Рано утромъ выходятъ женщины на берегъ рѣки. Старшая изъ нихъ держитъ въ рукахъ овсяный хлѣбъ а молодья поютъ вокругъ нея. Затѣмъ хлѣбъ разламывается на куски, по числу встрѣчавшихъ „осенину“ и уносится домой (имъ кормятъ въ этотъ день домашній скотъ въ огражденіе „отъ лихова“). Послѣ встрѣчи осенины по словамъ деревни, „шуба за кафтанъ тащится“. Того и смотри, „что Покрову (1-му октября) землю снѣгомъ покроетъ“.

НОВАЯ КНИГА.

Посланіе Святѣйшаго Синода о графѣ Львѣ Толстомъ.

(Опытъ раскрытія его смысла и значенія по поводу толковъ о немъ въ образованномъ обществѣ).

Священника Іоанна Соловьева, законоучителя Императорскаго Лицея въ память Цесаревича Николая. Москва. 1901 г. Стр. 37. Цѣна 25 коп., съ перес. 30 коп.

Продается у автора (Москва, Остроженка, Лицей) и въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3—2

Редакторъ Каѳедраальный Прогоіерей

Іоаннъ Мотовилъ.